

Двойственность политического консерватизма в 1789–1830 годах*

Ф. Пишо-Бравар

Университет Западной Бретани, Брест, Франция

Аннотация

Статья посвящена дуализму в понимании политического консерватизма во Франции между 1789 и 1830 годами. Первый тип консерватизма коренится в защите фундаментальных «естественных» принципов общества, таких как уважение к законной власти, стремление к общему благу и сохранение традиционных ценностей и институтов. Второй тип консерватизма представляет собой стремление к поддержанию установившегося порядка, даже если это требует принятия изменений, которые ранее считались радикальными. Французская революция вызвала консервативную реакцию как в политической, так и в интеллектуальной сферах. Контрреволюционные настроения присутствовали на всех уровнях социальной иерархии и охватывали широкий политический спектр, варьируясь от монархистов до либералов. Творчество Эдмунда Бёрка повлияло на французских монархистских философов – Жозефа де Местра и Луи де Бональда, которые стремились восстановить естественный в их понимании порядок, опираясь на концепцию суверенитета Бога и обычное право. Термидорианское правительство сосредоточило свое внимание на «сохранении» интересов владельцев национальной собственности, полученной во время революции, а не на воплощении идеалов свободы, равенства и братства. После восстановления монархии в 1814 году возник запрос на примирение двух противостоящих сторон постреволюционной Франции. Так, «доктринеры» (*doctrinaires*), группа умеренных роялистов, включая Гизо и Руайе-Коллара, стремились преодолеть противоречия между народным суверенитетом и божественным правом, утверждая суверенитет разума и справедливости. Между тем, политические и общественные деятели, связанные с журналом *Le Conservateur* (Шатобриан, Кер-

* Статья поступила в редакцию 23 ноября 2021 года и была принята к печати 12 января 2022 года.

горле, Бональд и др.), подчеркивали важность обязанностей, протекающих из естественного порядка, критиковали юридический позитивизм и сочетали приверженность к «здоровым доктринам» легитимности монархической власти с защитой социальных прав и общественного мира. Статья завершается обсуждением причин неудачи этих попыток примирения французского общества после революции и реставрации.

Ключевые слова: консервативная философия, обычное право, томизм, старый порядок, французская революция, реставрация, конституционный режим, общественное примирение.

Пишо-Бравар Филипп – доктор права, доцент Университета Западной Бретани, лектор Католического университета Запада (Анже).
philippe.pichot@univ-brest.fr

Для цитирования: *Пишо-Бравар Ф.* Двойственность политического консерватизма в 1789–1830 годах // Философские науки. 2022. Т. 65. № 4. С. 117–140. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-4-117-140

Ambiguities of Political Conservatism between 1789 and 1830*

P. Pichot-Bravard

University of Western Brittany, Brest, France

Abstract

This article explores the ambiguities of political conservatism in France between 1789 and 1830. The term “conservative” encompasses different and contradictory realities, such as the defense of fundamental natural principles of society, on the one hand, and the desire to maintain the established order, even if it means embracing previously subversive changes, on the other hand. The French Revolution triggered a conservative reaction from both political and intellectual spheres. Counter-revolutionary sentiments were present at all levels of the social hierarchy and encompassed a broad political spectrum, ranging from monarchists to liberals. Edmund Burke’s work influenced French monarchist philosophers, Joseph de Maistre and Louis de Bonald, who aimed to restore the naturally instituted hierarchy, emphasizing the concept of the sovereignty of God and the authority of

* The article was submitted on November 23, 2021. The article was accepted on January 12, 2022.

natural law. The post-Thermidor government focused on “conservation” of the interests of the owners of national property gained during the Revolution, rather than on the concepts of freedom, equality, and fraternity. The Restoration of the legitimate monarchy in 1814 aimed to reconcile the two opposing sides that had emerged in France after the Revolution. Thus, the *Doctrinaires*, a group of moderate Royalists including Guizot and Royer-Collard, aimed to overcome the opposition between popular sovereignty and divine right by asserting the sovereignty of reason and justice. Meanwhile, the figures associated with the journal *Le Conservateur*, including Chateaubriand, Kergorlay, Bonald, and others, emphasized the importance of duties derived from a divine natural order and criticized legal positivism. They were committed both to preserving the “sound doctrines” of legitimacy and the protection of social rights and public peace. The article concludes by discussing the reasons for the failure of reconciliation in French society after the Revolution and Restoration.

Keywords: conservative philosophy, natural law, Thomist philosophy, Ancien régime, French revolution, Restoration, constitutional order, public reconciliation.

Philippe Pichot-Bravard – Doctor of Law, Associate Professor of the University of Western Brittany; lecturer, Catholic University of the West (Angers).

philippe.pichot@univ-brest.fr

For citation: Pichot-Bravard P. (2022) Ambiguities of Political Conservatism between 1789 and 1830. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 65, no. 4, pp. 117–140.
DOI: 10.30727/0235-1188-2022-4-117-140

Введение

Политический консерватизм – политическое понятие, требующее аккуратного использования, поскольку термин «консервативный» (*conservateur*) может употребляться для описания различных и даже противоположных явлений. Глагол *conserver* означает и «уберечь от разрушения», и «поддерживать в должном состоянии». Консерватизм в первом понимании предполагает, что в случае угрозы подрыва фундаментальных принципов общества, консерваторы требуют уважения легитимной власти и поиска общественного блага (см.: [Le conservatisme... 2022]). Второе значение предполагает желание поддерживать текущий установленный порядок, даже если это

подразумевает поддержание изменений, некогда считавшихся радикальными, но ставшими общепринятыми ввиду их принадлежности к сложившейся правовой системе. Во втором значении «консерваторы» обречены стать защитниками того, что они ранее пытались предотвратить и, следовательно, стать соучастниками революции, с которой они боролись. Таким образом, как отмечали Фредерик Блюш и Стефан Риальс, протекает процесс перехода их на «умеренные» позиции [Bluche, Rials 1983; Rials 1986].

В дореволюционной Франции преобладала культура сохранения, описанная в частности Кристофом Бутеном, – инстинктивный, естественный, укоренившийся консерватизм пронизывал все общество (см. [Le conservatisme... 2022]). Господство традиций способствовало глубокому уважению к наследию предков, которое привело к тому, что право основывалось на истории и авторитете институтов, законодательном наследию. Во время церемонии коронации сначала король давал обещание епископам: «Я сохраняю для каждого из вас и для вверенных вам церковей канонические привилегии, а также закон и справедливость, которые вам причитаются...» Затем – поданным: «Весь христианский народ во все времена будет сохранять истинный мир при нашем посредничестве. Я буду неизменно защищать суверенитет, права и честь французской короны, ни передавая и ни отчуждая их» [Demouy 2016]. Сохранение прав каждого государственного органа считалось одним из основных принципов справедливости, важнейшей чертой общественного блага, главной миссией короля, первым условием сохранения «подлинного мира» [Pichot-Bravard 2019b]. В то время как судебная система, реформированная в период правления Людовика IX¹, вершила правосудие от имени короля, парламенты провинций² охраняли фундаментальные законы королевства, «столь необходимых для сохранения прав

¹ Людовик IX Святой (1214–1270) провел судебную реформу, которая предусматривала создание верховной судебной палаты, позже ставшей Парижским парламентом. Это был королевский верховный суд всей страны. Помимо этого, были ограничены юридические права сеньориальных судов, решения которых обжаловались в королевском суде, где в свою очередь велось предварительное расследование дела. Запрещались судебные поединки – ордалии. Согласно этому старинному правилу, недовольная приговором сторона могла вызвать на поединок даже судью. – *Прим. ред.*

² Парламенты провинций были собраниями знати, которые выполняли функцию высшей судебной инстанции. – *Прим. ред.*

короны» [Flammernont 1888, 94–95], и свободы отдельных провинций. При оформлении королевских грамот, ордонансов и эдиктов³ парламенты проверяли законы короля на соответствие законам государства. В описываемый период в обществе царило принципиальное недоверие к внезапным переменам – «нововведениям» (*novelleté*). Любое изменение с целью стать приемлемым должно было пройти гармоничный и, следовательно, медленный процесс интеграции в наследие предков. Учитывая циклический характер природы, люди полагали, что завтрашний день не будет отличаться от вчерашнего. Подобный дух традиционализма, проиллюстрирован в строках Онора де Ракана⁴: «Он, как отец, всю жизнь пашет на поле // Не требуя похвал иль лавра златой ветви. // И для него нет славнее и завиднее боле, // Чем тихо встретить смерть в постели своих предков».

Однако в тот момент, когда Ракан писал эти строки, в интеллектуальном мире подул ветер перемен, связанный с научной революцией. Ее представители, в частности Н. Коперник, Ф. Бэкон, Г. Галилей, были нацелены на пересмотр академического фундамента, заложенного еще Аристотелем, учение которого впрочем зачастую упрощенно толковалось. Как показал Фредерик Рувилюа в работе «Изобретение прогресса», эта революция утверждала линейность история и ее движение от худшего к лучшему благодаря техническим усовершенствованиям, науке, человеческому разуму: завтрашний день лучше вчерашнего, техника, наука и разум ведут человечество к счастью [Rouvillois 1996]. Возникшая идеология активно призывала отречься от прошлого, традиций и авторитета предков, будучи убежденной в том, что разрыв с прошлым принесет пользу.

В ответ на прогрессивную идеологию возникла консервативная риторика. Естественный консерватизм дополнил аргументированно-доктринальный консерватизм, стремящийся сохранить институты и традиции, подвергшиеся нападкам. Этот вид консерватизма появился в конце правления Людовика XIV в дискурсе социальных элит, обеспокоенных этатистскими и картезианскими тенденциями

³ В Средние века и в период Старого порядка во Франции королевский эдикт представлял собой законодательный акт монарха. От ордонанса его отличала узконаправленность содержания, т.к. эдикт относился к одной группе людей или только к одной провинции, в отличие от большого охвата вопросов в текстах ордонансов. – *Прим. ред.*

⁴ Онора де Бюэй де Ракан (1589–1670) – французский поэт и драматург. – *Прим. ред.*

абсолютной монархии, наиболее последовательным сторонником которой являлся герцог Сен-Симон⁵ [Pichot-Bravard 2013b]. Однако этот зарождающийся консерватизм, представленный работами Фенелона⁶, канцлера д'Агессо⁷ и Монтескьё, часто был в зависимости от новых идей, с последствиями которых он собирался бороться. Монтескьё призывал правительство в большей степени стремиться к достижению не общественного блага, а свободы, и высшие парламентские магистраты⁸, которые с 1751 года обрушивали шквал критики на правительство Людовика XV⁹, хотели быть адвокатами свободы, а не защитниками справедливости. Они утверждали, что соблюдают «принципы королевства», открыто игнорируя «истинные фундаментальные законы государства», о содержании которых Людовику XV пришлось им напомнить во время знаменитого сеанса Бичевания¹⁰.

⁵ Герцог Луи де Рувруау Сен-Симон (1675–1755). Полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентстве. – *Прим. ред.*

⁶ Франсуа де Салиньяк де Ла Мот-Фенелон (1651–1715), священнослужитель, писатель, педагог, богослов. Автор романа «Приключения Телемака» (1695). – *Прим. ред.*

⁷ Канцлер Франции – с 1627 года, после упразднения званий коннетабля Франции и адмирала Франции, – высшее должностное лицо короны Франции. В 1717–1750 годах эту должность занимал французский юрист Анри Франсуа д'Агессо. – *Прим. ред.*

⁸ Парламентские магистраты – высшие должностные лица главной судебной инстанции королевства, принадлежали к дворянству мантии и обладали неприкосновенными правами и привилегиями в административно-фискальной сфере. – *Прим. ред.*

⁹ В состав парламентов входили потомственные дворяне, богатые граждане, купившие свои места. Парламенты Руана и Прованса на протяжении веков считали себя законными правительствами в своих провинциях. По мере реорганизации правительства и назначении интендантов Людовиком XV авторитет парламентов снижался, и цены на места падали. Парламенты ряда провинций отказывались от указов королевских интендантов, касающихся утверждения власти и сбора налогов. Таким образом, система гражданского правосудия остановилась. В 1761 году провинциальный парламент Нормандии в Руане подал протест королю: исключительное право определять размер налогов только у короля, но парламент обладает исключительным правом собирать их. Король отверг протест и на время приостановил работу парламента провинции, сослав наиболее провокационных членов в их поместья. Однако в дальнейшем магистраты других провинций также открыто поддерживали критику действий монарха относительно сбора налогов. – *Прим. ред.*

¹⁰ Людовик XV, возмущенный неповиновением парламентских магистратов, 3 марта 1766 года выступил с речью перед Парижским парламен-

Еще до революции двойственность политического консерватизма была очевидна.

Великая французская революция только усугубила этот дуализм. Предприняв попытку идеологического обоснования новой Франции и нового человека, чтобы сконструировать социальную и институциональную действительность с «чистого листа», с *tabula rasa* [Furet 2007; Pichot-Bravard 2015b], революция вызвала в первую очередь консервативную реакцию у тех, кто отвергал политику *tabula rasa*, но был попросту интеллектуально неспособен противопоставить революционным идеям принципы забытой в тот период классической аристотелевской и томистской философии (см. раздел 1 настоящей статьи). После термидорианского переворота¹¹ первоначальный консерватизм, контрреволюционный, стал конкурировать со вторым консерватизмом, либеральным, стремившимся восстановить стабильность при сохранении достижений революции (раздел 2). После падения Наполеона в период реставрации безуспешно пытались осуществить синтез двух противоречащих друг другу типов консерватизма (раздел 3).

1. Сохранение наследия дореволюционной Франции

Потрясения первых месяцев Великой французской революции вызвали политическую и интеллектуальную реакцию, направленную на борьбу с ней, на привлечение внимания общества к ее злодеяниям и на подготовку к восстановлению старого монархического порядка. Консервативная реакция находила как свое фактическое проявление в процессах, происходящих во французском обществе в целом, так и формальное выражение – в деятельности депутатов Учредительного собрания.

Во французском обществе консервативная оппозиция, выраженная в наказах депутатам [Pichot-Bravard 2019a], возникла во всех социальных слоях королевства с лета–осени 1789 года. Дискуссии дворян, собравшихся в Сен-Мало, Тулузе и Гренобле,

том, гневно обличив магистратов, которые «осмелились отделять тело нации от монарха, тогда как их права и интересы нераздельны». Событие вошло в историю как «сеанс Бичевания». – *Прим. ред.*

¹¹ Речь идет о термидорианском перевороте 27 июля 1794 года (9 термидора II года по республиканскому календарю), который привел к аресту и казни Максимилиана Робеспьера и его сторонников; и положил конец эпохе террора якобинцев и революционных преобразований, а также открыл период термидорианской реакции. Событие определяют как «революцию 9 термидора» или «восстание 9 термидора». – *Прим. ред.*

обращения парламентов к Учредительному собранию, критика со стороны епископа из Трегье¹² и проповеди деревенских священников демонстрируют не только озабоченность относительно революционного насилия, но и приверженность традиционному монархическому порядку. Еще 6 сентября 1789 года в Ла-Шапель-дю-Жене (графство Анжу) аббат Марше сетовал о «революциях» и «бедствиях» того времени: «...в Учредительном собрании речь идет ни о чем ином, как о коренном изменении всей формы правления. Именно Учредительное собрание выражает подобную позицию в одном из своих постановлений, заявляя, что необходимо создать новую форму права и управления как в судах и полиции, так и в фискальной политике. Тем самым Учредительное собрание готово идти на изменения вплоть до отмены и полного уничтожения прав и обычаев, столь же древних, как наша христианская монархия и исповедуемая ею религия, и составляющих неотъемлемую часть оснований и принципов, до недавнего времени никогда не претерпевавших никаких изменений» [Parole de Dieu 1979, 101]. В декрете от 25 сентября 1790 года парламентский суд Тулузы, «нерушимо связанный со святейшей королевской персоной, с принцами августейшего дома и с различными сословиями, <...> выразил протест против всех посягательств на права короны, ликвидации сословий, захвата их собственности и свержения французской монархии; против всех указов, деклараций и грамот, упраздняющих суд; против дробления провинции Лангедок и других провинций, составляющих пределы ее юрисдикции, и уничтожения их привилегий; <...> против любых посягательств на религию, достоинство ее служителей, церковную юрисдикцию и свободы Галликанской церкви¹³»¹⁴.

В Учредительном собрании правое консервативное крыло было многоликим, «аристократическим» и «монархическим», связан-

¹² Речь идет об Огустене-Рене-Луи Ле Ментье (1729–1801), последнем епископе епархии Трегье, который публично раскритиковал гражданское устройство духовенства (новый церковный порядок, назначенный победившими революционерами) и издал контрреволюционный приказ для духовенства провинции Трегор, подчинявшейся его епархии. – *Прим. ред.*

¹³ Галликанская церковь – францужско-католическая церковь, имеющая собственное самоуправление, в отличие от Римско-католической. – *Прим. ред.*

¹⁴ См.: Archives Parlementaires de 1787 à 1860. T. XIX. – Paris: Librairie administrative de Paul Dupont, 1884. P. 516.

ным с «министерским деспотизмом» и подпитываемым идеями «благородного либерализма», реже «католическим», т.к. знать того времени была все еще проникнута духом вольтерьянства (дворянству только лишь предстояло сменить убеждения после испытаний эпохи Террора¹⁵ и эмиграции). Помимо идейного разнообразия, правое крыло объединял «четверной отказ»: во-первых, отказ от политики *tabula rasa* во имя сохранения многовекового правового наследия; во-вторых, отказ от национального суверенитета во имя королевского суверенитета, который основывается в большей степени на историческом законе, чем на божественном; в-третьих, отказ от письменной конституции во имя сохранения обычных норм конституционного характера; в-четвертых, отказ от правовой стандартизации во имя сохранения законодательного разнообразия.

В течение 1791 года произошли случаи официальных протестов правых депутатов против нарушений Учредительным собранием древних основных законов королевства¹⁶. В опубликованной ими 12 сентября 1791 года Декларации о конституционном акте и статусе королевства они выступили против принятой накануне Учредительным собранием Конституции, смягчающей этатизм

¹⁵ Эпоха Террора – период массовых казней после начала Великой французской революции, с июня 1793 года по 27 июля 1794 года (9 термидора II года). Террор представлял собой период насилия, в ходе которого из-за конфликта между соперничающими политическими группировками (жирондистами и якобинцами), в течение которого якобинцы провели массовые казни «врагов революции» (жирондистов); среди жертв были члены королевской семьи, представители французской знати, видные политики, ученые, общественные деятели. – *Прим. ред.*

¹⁶ 28 марта 1791 года правые раскритиковали декрет, согласно которому король «должен отречься от короны, если он уедет из королевства и если после объявленного к нему обращения законодательного корпуса он не вернется во Францию». Декрет содержал «уголовное положение, разрушающее неприкосновенность личности короля и наследственность престола», т.е. «предполагаемый наследник, а в случае его несовершеннолетия, то и регент, должны будут лично и безвозвратно отказаться от престолонаследия и от регентства соответственно, если после объявленного к ним обращения законодательного корпуса они не вернутся во Францию». Данное положение «провозглашало подлинное лишение наследства», нарушая порядок наследования, установленный «естественным порядком», который является «защитой свободы и общественного спокойствия» (см.: Archives Parlementaires de 1787 à 1860. T. XXIV. – Paris: Librairie administrative de Paul Dupont, 1886. P. 439).

административной монархии путем восстановления роли промежуточных органов управления [Saint-Victor, 1992, 288–292].

Идеи Эдмунд Бёрка, изложенные в трактате «Размышления о революции во Франции», выражающем интересы сторонников аристократического либерализма, пропитали контрреволюционное движение до такой степени, что даже Жозеф де Местр и Луи де Бональд ссылались на него [Pichot-Bravard 2015a]. Опираясь на философию Просвещения и находясь под влиянием Джона Локка, Бёрк все-таки не смог занять четкую позицию по вопросу теории общественного договора. Жозель Отбер констатирует наличие у Бёрка положений в пользу этой теории [Hautebert 2011], в то время как Филипп Бенетон отмечает у него и симпатию к аристократизму [Bénéton 1988, 22]. В свою очередь, Бональд проникнут идеями Монтескьё, а также заимствует из трактата «Об общественном договоре» Руссо ряд концепций, в частности концепцию общей воли, но придает им иной смысл. Кроме общей критики опасных притязаний на человеческую волю, Луи де Бональд предлагает свою более глубокую интерпретацию понятия воли, создавая при этом впечатление разработки контрсистемы, даже несмотря на то, что сохранение или восстановление традиционного общества как организма, действующего в духе обычаев, подразумевало отказ от принципа систематизации. Тем не менее политическая философия Бёрка, де Местра и Бональда основывалась на внимании к реальной действительности и осуждении притязания человека на выстраивание общества и его институтов. Отвергая революционный волюнтаризм, они вновь подтвердили существование объективного естественного порядка, принципы которого обязательны для человека, естественного порядка, который человек должен открыть и изучить, смысл правил которого человек должен понять и ясно изложить в законодательных документах, регулирующих социальную жизнь. С этой точки зрения Бёрк указывает на выгоду, которую монархия извлекала из существования независимой судебной системы, отмечая, что старые парламенты «были независимыми... Парламенты представляли собою постоянные политические органы, созданные для противостояния деспотическим новшествам; и по своему устройству они были хорошо рассчитаны на то, что бы придать законам определенность и устойчивость. Они были надежным прибежищем для сохранения законов во всех превратностях

нравов и мнений. Они спасли сие священное достояние страны во время царствования деспотических государей и распрей деспотических клик. Они сохранили живую память о конституции» [Бёрк 1992, 306; Burke 1989, 264–266].

Стремясь восстановить установленную Богом иерархию, Бональд настаивает на верховной власти Бога как создателя и законодателя; и признает господство Десяти заповедей («Десять заповедей были дарованы обществу так же, как и человеку; как для политики, так и для религии») и естественного права («Природа должна быть единственной законодательной властью обществ») [Bonald 1864, 392]. Таким образом, «монарх есть всего лишь помощник Природы» [Bonald 1864, 363]. Бональд, в свою очередь, обращает внимание на баланс между традиционной монархией, сдерживаемой существованием промежуточных органов управления, и «особой властью» парламентов, «депозитарных органов и толкователей законов» [Bonald 1864, 400]. В его глазах это – самая естественная политическая формула («В монархии всё естественно» [Bonald 1815, 670]). Однако Бональд, подобно большинству его современников, игнорирует томистское наследие теории естественного права. Это отражено в определении естественного закона, которое он приводит в работе «Законы первобытного общества»: для него божественный закон и естественный закон являются «синонимичными понятиями». Закон трактуется им как «воля Божья» [Bonald 1817, 1219]. Определяя закон как «волю», как «голос суверенной власти» [Bonald 1817, 1220], Бональд уходит от самоценности права, которую классическая, аристотелевская, римская и августинианская концепции права связывали с законом. Понятию закона Бональд неосознанно дает номиналистское определение в духе Уильяма Оккама, что могло только притупить острие оружия, которым он боролся с революционными идеями.

2. Сохранение достижений революции

Определение закона в рамках номинализма, контрактуализма и волюнтаризма – одна из основных черт революционного наследия. Статья 6 Декларации прав человека и гражданина определяет закон как «выражение общей воли». Происходит решительный разрыв с восемнадцатую столетиями римской и христианской правовой традиции: закон больше не является, как утверждали

св. Августин и св. Фома Аквинский, одним из инструментов господства правосудия, подпадающим под действие естественного права. Теперь это – наказ, составленный теми, кто обладает верховной властью. Тем самым сталкиваются две концепции закона, пробуждающие софокловские образы Антигоны и Кронта¹⁷. Их конфронтация должна была столкнуть лицом к лицу два противоположных выражения консерватизма: консерватизм «легитимного» (с позиции естественного, монархического права) порядка и консерватизм «легального» (с позиции существующего республиканского законодательства) порядка. Будучи привилегированным инструментом революционного конструирования, закон отражает новый порядок, основанный на революционных изменениях. Однако «сохранение» нового порядка с годами становится труднее. С одной стороны, защитники старой Франции, которым революция угрожала уничтожением, постепенно перестали быть консерваторами и превратились в реакционеров, вынужденных восстановить «легитимный» порядок, чтобы полностью или частично разрушить «легальный» порядок.

С другой стороны, новые институты, воплощавшие установившийся порядок, нашли среди деятелей революции обеспокоенных защитников, стремящихся обеспечить сохранение нового порядка потому, что это совпадало с их собственными интересами. Противостоя врагам «легального» порядка, революционные власти ловко и настойчиво использовали аргументы в пользу соблюдения закона, поддержания общественного спокойствия и сохранения республики.

После термидорианских событий политический класс, травмированный памятью о Терроре, почти единодушно намеревался «положить конец революции», т.е. покончить с беспорядками и восстановить стабильность, способствующую свободному пользованию граждан своим имуществом. 9 октября 1794 года председатель Национального конвента Ж.-Ж. Камбасерес провозгласил: «Республиканское судно, столько раз ударяемое штормом, уже причалило к берегу. Будьте осторожны, чтобы не оттолкнуть его в сторону рифов. Пусть оно движется вперед по гавани среди свободного, счастливого и торжествующего народа, следуя счаст-

¹⁷ Речь идет о главных героях трагедии «Антигона» древнегреческого драматурга Софокла. – *Прим. ред.*

ливый путь по спокойному морю»¹⁸. Через несколько месяцев, когда была завершена работа над Конституцией, Конвент принял декрет «О путях завершения революции». Вскоре после этого Бенджамен Констан написал: «Я страстно желаю, чтобы революция подошла к концу, потому что отныне она может быть только фатальной для свободы» [Constant 1988, 30]. «Положить конец революции» не означает восстановить старый порядок; речь идет о том, что необходимо предотвратить риск новых революционных потрясений, которое позволили бы нераскаявшимся монтаньярам вернуться к власти, а также сохранить «достижения революции», защитив их от посягательств со стороны многочисленных сторонников реставрации монархии.

Что же подразумевается под «достижениями революции»? Термидорианцы – материалисты и убежденные прагматики – были уверены в том, что выгода является единственным мотивом человеческих действий. Под «достижениями революции» они не подразумевали права человека. «Достижения революции» – это прежде всего присвоение огромного объема национального имущества, что позволило ряду представителей мелкой знати существенно обогатиться за счет духовенства, эмигрантов и жертв Террора. Это обширное движение собственности связало с революцией всех тех, кто извлек из нее выгоду. На трибуне Конвента 18 марта 1793 года депутат Бретран Барер, выступив против аграрного закона, предполагавшего распределение конфискованных у дворян земель среди крестьян, заявил: «Вас не станет, если Республика будет основана исключительно на национальной собственности»¹⁹. Самые смелые и самые жадные в указанный период сколотили настоящее состояние; Наполеон Бонапарт впоследствии даровал им должности, награды и дворянские титулы, укоренив в социальном ландшафте новую элиту. После окончания Террора, владение национальным имуществом было связано с риском, что в случае восстановления монархии имущество могло быть возвращено прежним владельцам, как

¹⁸ См.: Archives Parlementaires de 1787 à 1860. Т. XCIX. – Paris: CNRS éditions, 1995. P. 32.

¹⁹ См.: Archives Parlementaires de 1787 à 1860. Т. LX. – Paris: Librairie administrative de Paul Dupont, 1901. P. 292.

объявил Людовик XVIII в Веронской декларации²⁰. Обеспокоенные сохранением своих богатств, новые «хозяева» национального имущества работали над предотвращением реставрации. Генерал роялистской армии Клод-Огюстен де Терсье так характеризует новых «хозяев»: «Они в течение двадцати лет были причиной и постоянным объектом наших войн и наших несчастий. Чтобы закрепить за собой свои приобретения, им необходимо было беспрестанно сражаться с противниками со всех сторон» [Tercier 1989]. Термидорианцы опасались не только реставрации монархии, но и возвращения анархии, тенденции которой проявились в революционные дни весной 1795 года²¹, а позднее Гракх Бабёф и его соратники по движению «во имя равенства» готовились осуществить коммунистическую революцию, которая бы уничтожила частную собственность²². Поэтому Декларация прав и обязанностей 1795 года призывает к «сохранению собственности». Как подчеркивает современный исследователь Ксавье Мартен, речь шла не «о том, чтобы установить принцип, а о том, чтобы зафиксировать права на приобретенное недвижимое имущество» [Martin 2003, 39].

Сохранение «достижений революции» означало для политического класса также продолжение политики конструирования человека согласно принципам материалистической и сенсуалистской антропологии, развиваемым движением «идеологов» и выраженным Кабанисом в работе «Отношение физического и

²⁰ Веронская декларация – это первое официальное политическое заявление Людовика XVIII, ставшего претендентом на французский престол после объявления о смерти его молодого племянника Людовика XVII в июне 1795 года. В указанном документе он призывает вернуться подданных, бежавших от преследования Террора, а также обращается к правительству, «которое на протяжении четырнадцати веков являлось славой и отрадой Франции». Ввиду того, что в момент написания декларации Людовик XVIII находился в изгнании в Вероне, документ получил такое название. – *Прим. ред.*

²¹ В данном случае говорится о Жерминальском (1 апреля) и Прерияльском (20 мая) восстаниях 1795 года, вызванных и направленных против политики термидорианского Конвента. – *Прим. ред.*

²² Участники движения «во имя равенства» готовили заговор с целью продолжения революции и проведения коллективизации земель и средств производства, чтобы получить «совершенное равенство» и «общее счастье». В истории неудавшийся заговор французских коммунистов получил название «Заговор равных». – *Прим. ред.*

нравственного в человеке». По факту это были попытки изменить природу человека, чтобы сохранить систему. Как и во времена Робеспьера, республиканский календарь, гражданская религия и национальные праздники считались наиболее подходящими средствами для просвещения граждан. Тем самым, работая над «воспитанием граждан», термидорианцы навязали строгое соблюдение республиканского календаря администрациям, судам, нотариусам, газетам и театрам, чтобы «положить конец сопротивлению, которое оказывается со стороны врагов свободы и всех людей, привыкших к прежним предрассудкам»²³. В глазах термидорианцев республиканский календарь имел важное значение для укоренения революции в сознании людей: «Республиканский календарь... является одним из институтов, наиболее подходящих для того, чтобы заставить людей забыть даже последние следы королевского, дворянского и клерикального режима»²⁴. Не менее значимой была и гражданская религия: термидорианцы ввели «десятидневный культ»²⁵, предписывающий особый порядок церомоний и общественных мероприятий в каждый десятый день месяца, что должно было укрепить веру в Высшее существо. По мнению одного из депутатов, именно этот закон «убьет фанатизм и заставит все больше молодых сердец примкнуть к Республике»²⁶. Такая гражданская религия во многом основана на организации национальных праздников, настолько же многочисленных, насколько и мало посещаемых. Так, в статье 301 главы X «Народное просвещение» Конституции III года предусмотрено: «Должны быть установлены национальные праздники для поддержания братства граждан и для укрепления их уважения к конституции, родине и законам». Со временем список этих праздников расширился, ознаменовывая великие события революции. Речь шла о том, чтобы мобилизовать все виды искусства в период массовых собраний, управлять чувствами людьми с целью их перевоспитания в республиканцев.

²³ См.: Le Moniteur universel. 18 germinal an VI. P. 793–794.

²⁴ См.: Le Moniteur universel. 18 germinal an VI. P. 794.

²⁵ Суть подобной религии заключалась в замене христианского дня Господня (воскресенья) квазирелигиозным праздником в день отдыха в десятидневную неделю. – *Прим. ред.*

²⁶ См.: Le Moniteur universel. 16 fructidor an VI. P. 1388.

Дискурс сохранения стал повсеместным, что привело к брюмерскому перевороту²⁷, позволившему наиболее умелым политикам из числа термидорианцев проводить провести изменения, необходимые для сохранения «достижений революции», завершив тем самым десять лет беззакония, революционных потрясений и насилия. В день переворота Наполеон Бонапарт решительно заявил: «Революция неотделима от тех принципов, которые положили ей начало: она окончена»²⁸. Учитывая революционное наследие и традиции дореволюционной Франции, Наполеон стремился стать основателем нового общественного порядка, опирающегося на авторитет позитивного права, административную централизацию и защиту личных интересов.

Для обеспечения стабильности конституционного строя по инициативе аббата Сиеса был учрежден т.н. Консервативный сенат. Будучи далеким от роли хранителя основного закона, проверяющего принимаемые законодательные акты на их конституционность, Сенат должен был быть стать инструментом в руках Наполеона Бонапарта для защиты нового режима, предоставляющим юридическое обоснование действий против врагов установившегося порядка. Таким образом, цели Сената были ближе логике правовой теории Карла Шмидта, чем Ганса Кельзена²⁹.

Для того чтобы гарантировать сохранение и стабильность общественного порядка, Бонапарт возглавил разработку Гражданского кодекса, начатую десятью годами ранее, но погрязшую в гуще множества законопроектов, разрабатываемых сменяющими друг

²⁷ Переворот 18 брюмера – государственный переворот во Франции, состоявшийся 18 брюмера VIII года Республики (9 ноября 1799 года), в результате которого лишена власти Директория, разогнан парламент (Совет пятисот и Совет старейшин) и установлен консулат во главе с Наполеоном Бонапартом. – *Прим. ред.*

²⁸ См.: *Déclaration des consuls de la République aux Français, du 24 Frimaire an VIII // Le Moniteur universel du 25 Frimaire an VIII. P. 1.*

²⁹ Немецкий политический мыслитель и правовед Карл Шмитт (1888–1985) писал о праве государственной власти приостанавливать действие законов в чрезвычайных ситуациях, исходя из принципа, что воля суверена может диктовать закон. В отличие от него, австрийский юрист Ханс Кельзен (1881–1973), сторонник концепции юридического позитивизма, рассматривал закон как систему норм, независимую от политической целесообразности. – *Прим. ред.*

друга законодательными собраниями³⁰. Как показывает Ксавье Мартен, речь шла о превращении эгоизма людей в питательную среду для социальной и правовой стабильности [Martin 2003]. На смену «морали долга» пришла «мораль интересов», о чем Шатобриан позже сожалел. Надеясь гражданский договор такой же юридической силой, что и закон, согласно статье 1134 Кодекса, законодательство вынуждает нестабильного по своей природе индивида соблюдать свои обязательства. Если законодательство восстанавливает авторитет отца семейства, то это происходит не из уважения к силе естественного права, а потому, что данный авторитет считается необходимым для общественного порядка и позволяет отцам, используя наследство как оружие, подавлять в семье поведение, с которым государству неуместно бороться. По мнению авторов Гражданского кодекса, отцовский авторитет – это не что иное, как намеренно сделанная уступка законодателя. Неслучайно на Государственном совете Наполеон Бонапарт, следуя номиналистской логике, которая подготовила юридические и биоэтические приемы нашего третьего тысячелетия, заявил, что когда существует государство, то «именно закон делает отцов».

3. Сохранение достижений монархии и хартии

В 1814 году восстановление монархии, казалось, должно было привести к слиянию двух видов консерватизма. Правительство Людовика XVIII проявило стремление «стереть прошлое» и примирить две Франции, которые противостояли друг другу в течение двадцати пяти лет. Шатобриан писал: «Чтобы залечить раны революции, Людовик XVIII... движется вперед с завещанием Людовика XVI в руках» [Chateaubriand 1814, 62]. Заявляя о «возобновлении цепи времен» и ставя точку в революции, Конституционная хартия, дарованная Людовиком XVIII 4 июня 1814 года, была основана на тонком и неоднозначном синтезе старого порядка и революции. Она восстановила верховную власть короля-католика, держащего священный венец помазания

³⁰ За первые десять лет после Великой французской революции сменились четыре высших законодательных органа: Учредительное собрание (1789–1791), Законодательное собрание (1791–1792), Национальный конвент (1792–1795) и двухпалатный законодательный корпус (1795–1799). – *Прим. ред.*

и соблюдавшего древние основные законы, при этом сохранила Гражданский кодекс и административную централизацию, т.е. основную часть правовых достижений революции. Частные интересы были защищены гарантией, предоставленной приобретателям национальной собственности, что их право пользования приобретенным во время революции имуществом не будет нарушено.

Впоследствии консерватизм нашел несколько различных политических проявлений. Во-первых, следует выделить течение «доктринеров» [Rosanvallon 1985; Broglie 1990; Theis 2008; Craiutu 2006], представленное Гизо³¹, Руайе-Колларом³² и герцогом де Брольи³³. Течение было направлено на преодоление противоречия между национальным суверенитетом и королевским суверенитетом путем утверждения суверенитета разума и справедливости. Заявленный ими отказ от принципа верховенства воли гражданина – наиболее консервативная черта мысли «доктринеров». Законодательная деятельность берет свой исток не в акте воления, а в знании того, как отличать, что разумно и справедливо, в умении находить подход, который позволил бы уменьшить возможные противоречия между легитимным порядком и легальным порядком. Историк-медиевист Гизо обращает внимание на важность соблюдения справедливости действий правительства. Хотя Гизо, как предполагается, не изучал томистскую философию, однако как историк не мог не знать, что принцип достижения справедливости в публичном праве присутствовал еще в актах, составленных канцелярией во время правления Капетингов.

Во-вторых, на то, чтобы представлять консерватизм, претендовала «партия роялистов», о чем свидетельствует факт основания в 1818 году газеты *Le Conservateur*, с которой сотрудничали Шатобриан, Виллель, Полиньяк, Кергорле, Кабельбажак, Френийи, Фьеве, Мартенвиль, Ламенне и Бональд. «*Le Conservateur*» поддержит религию, короля, свободу, Хартию и

³¹ Франсуа-Пьер-Гийом Гизо (1787–1874) – политический деятель (глава правительства Франции в 1847–1848 годах), историк. – *Прим. ред.*

³² Пьер Поль Руайе-Коллар (1763–1845) – французский политический деятель и философ. – *Прим. ред.*

³³ Ашиль Шарль Леонс Виктор герцог де Брольи (1718–1804) – французский государственный деятель, 16-й премьер-министр Франции, российский генерал-фельдмаршал (1797 год). – *Прим. ред.*

честных людей», – объявляет Шатобриан [Chateaubriand 1818a, 7], отвергавший подобный консерватизм во всех областях, включая защиту исторического наследия, которое часто находится под угрозой. Система взглядов, изложенная в работе графа де Кергорле [Pichot-Bravard 2013a, 49–65], описывает синтез, проделанный «партией роялистов». Несмотря на релятивистские уступки, вероятно, тактического характера, проявляется стремление «придерживаться здравых доктрин», в основе которых лежит «система легитимности», поскольку «она единственная, кто гарантирует гражданам великих и древних монархий сохранение их социальных прав и общественного спокойствия, их морали и счастья». Приверженность королю опирается на приверженность Хартии, т.к. она является «сознательной уступкой нашего законного короля», сохранение которой... основано на мощнейшей из всех гарантий – на королевской чести» [Kergorlay 1818, 395–396]. Идейный кружок газеты *Le Conservateur* намеревался работать над уменьшением искажений, существующих между законным порядком и принятым порядком, что, по их мнению, предполагало замену либеральных законов на законы, квалифицируемые как «монархические», однако такая замена ограничивала значимые философские вопросы узкими рамками партийной борьбы.

Тем не менее представители идейного кружка проделали настоящую работу по углублению своего учения. Их консерватизм является не просто ситуативным. Он заново раскрывает основные черты классической философии, действуя местами неуверенно ввиду незнания томизма. Можно привести два наглядных примера. Во-первых, в статье, посвященной «морали интересов» и «морали обязанностей», под словом «обязанности» Шатобриан понимает власть естественного порядка, «обладающего божественным началом и исходящего в первую очередь из семьи, в которой он устанавливает настоящие отношения между отцом и детьми; отсюда естественный порядок распространяется на все общество и, разделившись на две ветви, в политическом смысле регулирует отношения между королем и подданными и устанавливает в моральном смысле цепочку услуг и защиты, благ и признания». Затем он, хотя и изъясняясь не совсем логично, выступает с разумной критикой правового позитивизма: «Что значат законы без обязанностей? Они являются законами до тех пор, пока я буду

самым слабым; в тот день, когда я стану самым сильным, меня не остановят никакие обязанности, я буду смеяться над этими законами и буду следовать другим» [Chateaubriand 1818b, 471]. Во-вторых, в работе «Мировоззрение» Кергорле утверждает, что восстановление принятого порядка позволит возродить гармонию в христианском обществе, основанном на политической дружбе. Отвергая воинственность и космополитизм революционных умов, он утверждал: «Если каждый народ должен любить и чтить все народы, если каждый человек должен любить и чтить всех людей, тогда каждый гражданин разве не должен любить и чтить своих сограждан... Христианское милосердие является наиболее полным и чистым проявлением чувства взаимной привязанности, которое Бог, сотворяя людей, вложил в их сердца» [Kergorlay 1818, 401].

Если политическое убийство герцога Беррийского³⁴ облегчило «партии роялистов» доступ к власти, то восстановление легитимного порядка, как известно, провалилось из-за Июльской революции 1830 года. Существует множество причин этой неудачи, и они могут послужить материалом для глубокого междисциплинарного исследования. В их числе – невозможность слияния в гармоничное, связанное целое естественного порядка христианской монархии и установленного Наполеоном законного порядка ввиду того, что они подчинялись радикально противоположным философским, политическим и социальным логикам. Реставрация согласилась на такой особый компромисс, чтобы залечить раны, полученные в ходе Великой французской революции, и достичь примирения французов. Но этого не случилось во многом потому, что любое примирение требует искренней приверженности двух противоборствующих сторон, на что вольтерьянская буржуазия отказалась идти. «Мораль долга» не смогла подменить «мораль интересов». Материализм и утилитаризм Кодекса Наполеона препятствовали восстановлению политической дружбы между

³⁴ Шарль-Фердинанд, герцог Беррийский (иногда также Карл-Фердинанд) – наследник французского престола, второй сын графа Карла д'Артуа (будущего короля Карла X) и Марии-Терезы Савойской. В момент, когда герцог провожал супругу из оперы к экипажу, 13 февраля 1820 года, был смертельно ранен ножом рабочим Луи Лувелем и умер на следующий день. – *Прим. ред.*

французами, которая со времен Аристотеля была одним из основных требований общественного блага.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бёрк 1992 – *Бёрк Э.* Размышления о революции во Франции. – London: Overseas Publications Interchange, 1992.

Bénéton 1988 – *Bénéton P.* Le Conservatisme. – Paris: PUF, 1988.

Bluche, Rials 1983 – *Frédéric B., Stéphane R.* Fausses droites, centres morts et vrais modérés dans la vie politique contemporaine // *Revue de la Recherche juridique.* 1983. N° 3. P. 611–627.

Bonald 1815 – *Bonald L. de.* Considérations sur la Noblesse // *Bonald L. de. Œuvres complètes de M. de Bonald. T. II.* – Paris: Migne, 1815. P. 668–680.

Bonald 1817 – *Bonald L. de.* Législation primitive considérée par la raison. T. I. – Paris, 1817.

Bonald 1864 – *Bonald L. de.* Théorie du Pouvoir // *Bonald L. de. Œuvres complètes de M. de Bonald.. T. I.* – Paris: Migne, 1864. P. 122–954.

Broglie 1990 – *Broglie G. de.* Guizot. – Paris: Perrin, 1990.

Burke 1989 – *Burke E.* Réflexions sur la Révolution en France / trad. par P. Andler. – Paris: Hachette, 1989.

Chateaubriand 1814 – *Chateaubriand F.-R. de.* De Buonaparte et des Bourbons. – Paris: Mame Frères, 1814.

Chateaubriand 1818a – *Chateaubriand F.-R. de.* Lettre de M. le Vicomte Chateaubriand, exposant les principes dans lesquels *le Conservateur* doit être rédigé // *Le Conservateur.* 1818. T. I. P. 1–48.

Chateaubriand 1818b – *Chateaubriand F.-R. de.* De la morale des intérêts et de celles des devoirs, ou du système ministériel considéré dans ses effets moraux // *Le Conservateur.* 1818. T. I. P. 466–478.

Constant 1988 – *Constant B.* De la force du gouvernement actuel de la France et de la nécessité de s’y rallier. – Paris: Flammarion, 1988.

Craiuțu 2006 – *Craiuțu A.* Le Centre introuvable. La pensée politique des doctrinaires sous la Restauration. – Paris: Plon, 2006.

Demouy 2016 – *Demouy P.* Le Sacre du Roi. – Strasbourg: La Nuée bleue, 2016.

Flammernont 1888 – *Flammernont J.* Les Remontrances du Parlement de Paris au XVIIIe siècle. – Paris: Imprimerie nationale, 1888.

Furet 2007 – *Furet F.* La Révolution Française. – Paris: Gallimard, 2007.

Hautebert 2011 – *Hautebert J.* Conservatisme et libéralisme, relire Burke // *Revue Catholica.* 2011. No. 111.

Kergorlay 1818 – *Kergorlay F. de.* Profession de Foi d’un ami de son pays // *Le Conservateur.* 1818. T. I. P. 393–402.

Le conservatisme... 2022 – Le conservatisme. Nature, enjeux limites / sous la dir. de M. Boyancé, B. Guéry. – Paris: Presses universitaires de l'IPC, 2022.

Martin 2003 – *Martin X.* Mythologie du Code Napoléon. – Bouère: DMM, 2003.

Parole de Dieu... 1979 – Parole de Dieu et Révolution ; les sermons d'un curé angevin avant et pendant la guerre de Vendée / présenté par F. Lebun. – Toulouse: Privat, 1979.

Pichot-Bravard 2013a – *Pichot-Bravard P.* Le comte de Kergorlay. Un homme libre au service du Roi et du Droit // Revue de la nouvelle société des études sur la Restauration. 2013. N° XII. P. 49–65.

Pichot-Bravard 2013b – *Pichot-Bravard P.* Le duc de Saint-Simon et la conservation de la royauté traditionnelle // Mémoires, Académie d'Angers, XXVIII. P. 163–172.

Pichot-Bravard 2015a – *Pichot-Bravard P.* Les théoriciens de la Restauration en France // Aportes. 2015. Vol. 30. N° 87. P. 35–45.

Pichot-Bravard 2015b – *Pichot-Bravard P.* La Révolution française / 2ème édition. – Versailles: Via Romana, 2015.

Pichot-Bravard 2019a – *Pichot-Bravard P.* Le coup d'Etat du Tiers // 1789–1795 La fabrique de la Terreur, Le Figaro Histoire. 2019. N° 43. P. 42–49.

Pichot-Bravard 2019b – *Pichot-Bravard P.* La véritable paix. – Les cahiers Guy Augé, 2019, P. 27–48.

Rials 1986 – *Rials S.* Révolution et Contre-Révolution. – Paris: D.U.C., 1986.

Rosanvallon 1985 – *Rosanvallon P.* Le moment Guizot. – Paris: Galimard, 1985.

Rouvillois 1996 – *Rouvillois F.* L'invention du progrès. – Paris: Kimé, 1996.

Saint-Victor 1992 – *de Saint-Victor J.* La chute des aristocrates. – Paris: Perrin, 1992.

Tercier 1989 – *Tercier C.A.* Mémoires d'un chouan (1792–1802). – Paris: Tallandier, 1989.

Theis 2008 – *Theis L.* Guizot. – Paris: Fayard, 2008.

REFERENCES

Bénéton P. (1988) *Le Conservatisme*. Paris: PUF (in French).

Bluche & Rials (1983) Fausses droites, centres morts et vrais modérés dans la vie politique contemporaine. *Revue de la Recherche juridique*. No. 3, pp. 611–627 (in French).

Bonald L. de (1815) *Considérations sur la Noblesse*. In: Bonald L. de. *Œuvres complètes de M. de Bonald* (Vol. 2, pp. 668–680). Paris: Migne (in French).

Bonald L. de (1817) *Législation primitive considérée par la raison* (Vol. 1). Paris (in French).

Bonald L. de (1864) *Théorie du Pouvoir*. In: Bonald L. de. *Œuvres complètes de M. de Bonald* (Vol. 1, pp. 122–954). Paris: Migne (in French).

Boyancé M. & Guéry B. (2022) *Le conservatisme. Nature, enjeux limites*. Paris: Presses universitaires de l'IPC (in French).

Broglie G. de (1990) *Guizot*. Paris: Perrin (in French).

Burke E. (1989) *Réflexions sur la Révolution en France* (P. Andler, Trad.). Paris: Hachette (French translation).

Burke E. (1992) *Reflections on the Revolution in France*. London: Overseas Publications Interchange (Russian translation).

Chateaubriand F.-R. de (1814) *De Buonaparte et des Bourbons*. Paris: Mame Frères (in French).

Chateaubriand F.-R. de (1818a) Lettre de M. le Vicomte Chateaubriand, exposant les principes dans lesquels *le Conservateur* doit être rédigé. *Le Conservateur*. Vol. 1, pp. 1–48 (in French).

Chateaubriand F.-R. de (1818b) De la morale des intérêts et de celles des devoirs, ou du système ministériel considéré dans ses effets moraux. *Le Conservateur*. Vol. 1, pp. 466–478 (in French).

Constant B. (1988) *De la force du gouvernement actuel de la France et de la nécessité de s'y rallier*. Paris: Flammarion: 1988 (in French).

Craiu A. (2006) *Le Centre introuvable. La pensée politique des doctinaires sous la Restauration*. Paris: Plon (in French).

Demouy P. (2016) *Le Sacre du Roi*. Strasbourg: La Nuée bleue (in French).

Flammernont J. (1888) *Les Remontrances du Parlement de Paris au XVIIIe siècle*. Paris: Imprimerie nationale (in French).

Hautebert J. (2011) Conservatisme et libéralisme, relire Burke. *Revue Catholica*. No. 111 (in French).

Furet F. (2007) *La Révolution Française*. Paris: Gallimard (in French).

Kergorlay F. de (1818) Profession de Foi d'un ami de son pays. *Le Conservateur*. Vol. 1, pp. 393–402 (in French).

Martin X. (2003) *Mythologie du Code Napoléon*. Bouère: DMM (in French).

Lebrun F. (Ed.) (1979) *Parole de Dieu et Révolution ; les sermons d'un curé angevin avant et pendant la guerre de Vendée*. Toulouse: Privat (in French).

Pichot-Bravard P. (2013) Le comte de Kergorlay. Un homme libre au service du Roi et du Droit. *Revue de la nouvelle société des études sur la Restauration*. Vol. 12, pp. 49–65 (in French).

Pichot-Bravard P. (2013) Le duc de Saint-Simon et la conservation de la royauté traditionnelle. *Mémoires, Académie d'Angers*. Vol. 28, pp. 163–172 (in French).

Pichot-Bravard P. (2015a) Les théoriciens de la Restauration en France. *Aportes*. Vol. 30, no. 87, pp. 35–45 (in French).

Pichot-Bravard P. (2015b) *La Révolution française* (2nd ed.). Versailles: Via Romana (in French).

Pichot-Bravard P. (2019a) Le coup d'Etat du Tiers. 1789–1795 La fabrique de la Terreur, *Le Figaro Histoire*. No. 43, pp. 42–49 (in French).

Pichot-Bravard P. (2019b) La véritable paix. *Les cahiers Guy Augé* (in French), 2019, P. 27–48.

Rials S. (1986) *Révolution et Contre-Révolution*. Paris: D.U.C. (in French).

Rosanvallon P. (1985) *Le moment Guizot*. Paris: Gallimard (in French).

Rouvillois F. (1996) *L'invention du progrès*. Paris: Kimé (in French).

Saint-Victor J. de (1992) *La chute des aristocrates*. Paris: Perrin (in French).

Tercier C.A. (1989) *Mémoires d'un chouan (1792–1802)*. Paris: Tallandier (in French).

Theis L. (2008) *Guizot*. Paris: Fayard (in French).